

Стара, как хвост, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей!
Старей! — камней, старей — морей...
Но боль, которая в груди, —
Старей любви, старей любви.

Цветаева перевела героическую поэму грузинского классика Важа Пшавелы, 1861—1915, «Гоготур и Аппина».

3.

Голицыно, 3-го февраля, 1940 г.
Дорогая Людмила Васильевна,
Вчера вечером с помощью Ноя Григорьевича — моего доброго гения — звонила Т. Говорила любезно и снисходительно, и выяснила следующее: он не знал, что это «так спешно» (хотя предупреждала его, что книга — чужая, дана мне

Я Т. не меньше обижена, чем Вы, а м. б. — больше, а скорее всего — одинаково: — Но мне порукой — Ваша честь, — И смело ей себя вверяю! — (Побольше бы чести — и поменьше бы смелости! Кстати, по мне, Татьяна — изумительное существо: героиня не верности, а достоинства: не женской верности, а человеческого достоинства. — Люблю ее.)

Сейчас, кстати, Т. мною взят на испытание: одолжит ли мне мою просимую книгу, за которой я к нему направила одного милейшего здешнего человека. (Может, конечно, отвергнется, что книга — чужая, ему — доверена, и т. д.)

Дорогая Л. В. (простите за сокращение, но так — сердечнее), никакой Т. нас с вами никогда не рассорит, ибо знаю цену — Вашей душе и его (их) бездушию. Ведь это тот же «Юра» — из повести, и та же я — 20 лет назад, но только оба

Лит. новости — 1992 — окт (№ 13) — с. 9

ЦВЕТАЕВА

1992

По свидетельству высокопоставленного чиновника Министерства безопасности РФ, не пожелавшего публиковать свое имя, в архиве Цветаевой хранится документ, свидетельствующий о том, что кто-то из чекистов посетил Марину Цветаеву буквально за день до ее смерти. Как сам факт разговора, так и его содержание были сознательно задуманы таким образом, чтобы великая поэтесса приняла единственное решение — самоубийство.

(«Аргументы и факты» № 36)

на срок, и т. д.), с Вами у него вышло «какое-то недоразумение», как раз нынче собрался мне звонить, и даже как-нибудь мечтает — словом, все очень мягко и неопределенно. (Я ни слова не сказала ему о тоне Вашего письма, — только, что Вы до сих пор от него книги не получили.) Когда же я стала настаивать, чтобы он немедленно (хорошее немедленно, когда он уехал 23-го!) Вам книгу сvez, он стал петь, что его цель — получить оттиск, а Вы ему такого не дадите. — Да, но моя цель — возможно скорее иметь свой оттиск, п. ч. это нужно для Гослитиздата! — но тут случился сюрприз: оказывается, у него на руках и другая моя книга, к-ую я пишу по всей Москве, и тоже до зарезу мне нужна (из двух будет (если будет) — одна). Пришлось сдерживать сердце — и даже просить, чтобы он меня выручил, т. е. одолжил на время.

Относительно же первой «сговорились» — так: так как он безумно хочет иметь свой оттиск, а Вы не дадите, он попытается устроить перепечатку сам — в течение 5-ти дней. Я, сначала, было, возмущалась (ибо книга моя, всячески), но тут же поняла, что он этим Вас избавляет от большой работы, а что, если Вы бы когда-нибудь захотели иметь свой оттиск, Вы бы всегда смогли, не спеша, перепечатать для себя — с моего. Командовать же мне не пришлось, п. ч. вторая книга — у него, а она мне необходима, а он мог бы озлобиться. — Уф!

Но все-таки — такую вещь он услышал: — Торговаться со мной — чистое безумие, и даже несъездно: я всегда даю больше, и Вы это знаете.

Чем кончится история сего перепечаткой — не знаю. Диву даюсь, что он, держа книгу на руках целых десять дней — да ничего, просто продолжает держать...

Подала заявление в Литфонд, отдельно написала Новикову, отдельно ездила к Оськину, к-й сказал, что решение будет «коллективное» (кстати, оно уже должно быть — 1-го). Теперь жду судьбы. Мур учится, я кончаю своего «Гоготура». А в общем — темна вода во облацех. При встрече расскажу Вам одну очень странную (здесь) встречу.

В общем, надо всем: работой, хождением в Дом Отдыха, поездками в город, беседами с людьми, жизнью дня и снами ночи — тоска.

Обнимаю Вас и прошу простить за скуку этого письма, автор которого — не я.

МЦ

4.

Голицыно, 5-го февраля, 1940 г.
Дорогая Людмила Васильевна! Первое письмо залежалось, п. ч. не успела передать его надежному отъезжающему — уехал до утреннего завтрака. Но вот оно, все же — как доказательство (впрочем, не сомневаюсь, что Вы во мне — не сомневаетесь). А вчера вечером — Ваше, с двумя Т — Тютчевым и другим. Первый восхитил и восхитил — от второго, второй не удивил. Я, как и Вы, наверное, всегда начинаю с любви (т. е. всякого кредита) и кончаю — знакомством. А от знакомства недалеко и до раз- знакомства.

были красивее и все было — куда серьезнее. Бесконечная любовь? Неодушевленность любимого тобою предмета — если он человек. Ведь даже янтарь от твоей любви (сердечная жара!) — сверкает, как никогда не сверкает — от солнечного.

— Кончаю своего «Гоготура», а у Мура даже глагол «гоготуриться». Сплошное го-го — и туры (звери). Когда Гоготур (впрочем, не он, mais c'est tout comme) раскаивается — он долго бьет себя по голове пестом (медным). Как такое передать — в одной строке? (Подстрочник: «Раскаившись, он долго бил себя по голове пестом...») Теперь он уже отбил себя и в виде Хэвсбери (смесь муллы и священника) ниспосылает благодать на Грузию. А по ночам раскаивается в раскаянии и воеет по своему «мертвом молодечестве». Сур-ровая поэма! На очереди — Барс (зверинный Гоготур) — и — боюсь — отъезд, переезд — куда??? Мне нужно серьезно с Вами посоветоваться. Оськин спросил — А какие у Вас — дальнейшие планы? И я ответила: — Никаких.

— С книгой. Будем ждать событий. В конце концов, я всегда смогу отобрать ее у Т. — и переписать от руки.

Целую Вас, пишете. Я все еще (из трусости) не справилась в Литфонде, а срок мой — 12-го.

М.

(Приложение)

5-го вечером

Нынче Вер. Ив. звонила в Литфонд, справлялась о моей судьбе: решение отложено до 7-го. А 12-го истекает срок.

Но в лучшем случае — если даже продлят — мы здесь только до 1-го апреля, п. ч. с 1-го комната сдана детскому саду. Мне очень жаль Мура — придется бросать и эту школу, уже вторую за год.

Съезжать — куда??? На наше прежнее место я не поеду, потому что там — смерть. Кроме того (хорошее — кроме!) эту несчастную последнюю уцелевшую комнату у меня оспаривают два учреждения. Кроме того — дача летняя, и вода на полу — при полной топке — мерзнет. И полкилометра сосен, и каждая — соблазнительна!

Книгу (ту самую) нынче получила, но она — совершенно негодная, на всю ее 5—6 годных, т. е. терпимых — страниц. Уж-жасная книга! Я бы, на месте Т., и читать не стала. Прислал с записочкой — приветливой.

Ну, до свидания! Спасибо за все. Буду знать о своей судьбе — извещу.

М.

Р. С. Никогда не рассоримся: еще то дерево не выросло, из к-го колыбель будет для того Т., который нас рассорит!

(«Грани», № 155)

* Публикация и предисловие Игнатия Шенфельда.

ДВА КАМНЯ

«Я хотела бы лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в тех местах земляника».

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловы шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».

Таким завещанием неожиданно заканчивается рассказ «Кирилловны», написанный необычайно сочно, зримо, солнечно, истерзанной ностальгией Цветаевой в Париже в 1934 году. Впрочем, у Цветаевой часто рядом с переизбытком жизни идет примеривание на себя смерти. Воскрешая в памяти счастливое тарусское детство, ничего не потеряв, не замутнив за десятилетия мук и скитаний, тянется она сердцем к материнской любви простых русских женщин — хлыстовок и как бы принимает их «мечтательное» удочерение. Если для отца Таруса была эпическим спящим городом-селом, стоящим по красоте в одном ряду с Равенной и Афинами, то для Марины она была кандовой Русью и в то же время эквивалентом рая:

О, дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были ипагами лопаты
И замком царственный сарай.
1911—1912

Как не похож этот рай страстной поэтической природы на прекрасный, но призрачный, ирреальный мир творившего здесь и лежащего на этих холмах гениального художника Борисова-Мусатова!

«Кирилловны» были опубликованы в 1961 году в альманахе «Тарусские страницы» и воспламенили сердца поклонников поэзии Цветаевой. Вскоре в Тарусе появился посланец любящей Марины киевской молодежи студент Семен Островой. Он был преисполнен решимости воздвигнуть здесь завещанный Цветаевой памятник. Для этого у него не было ни средств, ни соответствующих санкций — одна лишь любовь к Марине — и

вил камень не у себя дома, не в личном садике, а на земле города Тарусы, а для этого нужно разрешение властей, тем более, что речь идет о памятнике поэту всесоюзного значения со сложной судьбой, много лет проведенному за пределами Родины и т. д. и т. п.

Как ни странно, решающую роль сыграл протест дочери Цветаевой Ариадны Эфрон, отдыхавшей в то время в Латвии. Получив телеграмму о том, что без нее ставят памятник ее матери, она спешно обратилась к Эренбургу и Паустовскому с просьбой запретить происходящее. То ли она боялась, что эта история с самодеятельным памятником вызовет скандал и помешает изданию книги Цветаевой, над которой она тогда работала, а, может быть, возобладали уязвленное самолюбие: ее проигнорировали, с ней не согласовали, даже не пригласили. Уговоры ее тети не помогли. И неофициальный памятник, всего два дня простоявший над Окой, был увезен, а потом разбит на мелкие куски. Паустовский, способствовавший установке памятника, теперь помогал его сносу. Так закончилась эта героическая попытка энтузиаста-одиночки увековечить в Тарусе память Марины Цветаевой. Ее не забыли старожилы Тарусы, написал о ней в своем обширном рукописном труде «Моя Таруса» лениградец В. С. Шабунин.

Только через 27 лет после этой попытки воля Марины Цветаевой все же была исполнена. К 96-летию со дня ее рождения вполне официально был открыт в Тарусе желанный ею памятник — пониже мусатовского холма у родничка встал черный гранит. Были речи, стихи, цветы — и проливной ливень, быть может, знак неприятия природой этого запоздалого дара поэту. К собравшимся с приветствием обратилась 95-летняя сестра Марины — Анастасия Цветаева, с теплотой вспоминая о том первом снежном памятнике. Он был поистине воздвигнут любовью, той безмерностью чувств, которой была пронизана цветавская поэзия.

— К вам всем — что мне,
ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

Как поздно дошел до «чужих и своих» этот зов распахнутого сердца, когда и след ее могилы был потерян! А ведь такой поэт без любви не живет, дефицит любви его убивает.

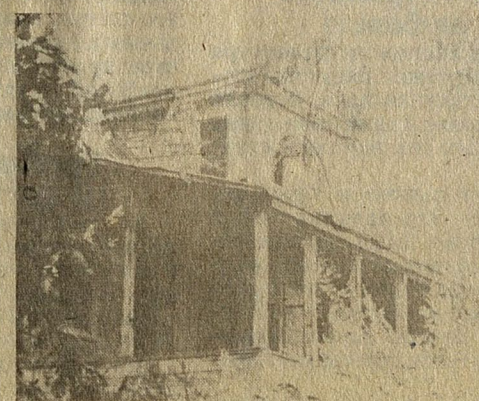
— Послушайте!

— Еще меня любите
За то, что я умру.

Не услышали. Дали умереть, убить себя. И памятник отняли на целых 27 лет. А любимый дом в Тарусе разобрали на дрова и устроили на его месте танцплощадку дома отдыха. Напрасно дочь Марины Цветаевой два года хлопотала перед Союзом писателей. Он так и не выделил деньги на домик-музей. А требовалось-то всего 7 тысяч — цена высокопоставленного банкета.

Мало любим и бережем мы поэтов в будни. Спыхватываемся лишь в круглые даты. Вот и сейчас к 100-летию Марины в пожарном порядке воссоздается, возводится другой любимый Цветаевыми дом в Тарусе — «дом Тью». Краеведческий музей подготовил экспозицию, но в ней практически нет вещей Марины. Дух ее поэзии по-прежнему живет в дымчато-перламутровых приокских далях, в блаженно дремлющих рощах на волнистых берегах. Такой покой и безмятежность разлиты вокруг, что чувствуешь прикосновение вечности.

Элеонора БЕЛЕВСКАЯ

Снесенный дом Цветаевых в Тарусе

она буквально сдвинула горы. Страстный монолог Острового произвел такое впечатление на начальника тарусского карьера, что он ему подарил большой золотистый гранит весом 3—4 тонны (по воспоминанию Анастасии Цветаевой). Она и ее сводная сестра Валерия Ивановна убеждали молодого человека не ставить мемориальный камень на кладбище. Но он не внял уговорам. Тяжеленный камень с огромным трудом был привезен и установлен на том холме, где расположено поэтическое матвеевское надгробие Борисова-Мусатова. Юный поклонник Марины Цветаевой сам высек красивые буквы завещанной надписи.

А далее... «Увы, собралась общественность» (А. Цветаева). Сформировалось общественное мнение, что так не делается, что самозванный поклонник устано-

6/2/92